

Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории, 1989, № 2, с. 17-31.

В исследовании о земском либеральном движении, во введении, на первой странице говорится: «Земский либерализм, объективно выражавший интересы буржуазного развития страны, был в то же время либерализмом помещичьим»[1]. Этот важный тезис имеет ключевое значение для понимания природы русского либерализма; он является частью более общей проблемы особенностей буржуазного развития России и подводит к вопросу: почему интересы буржуазии, вначале целиком, а затем преимущественно выражали не сами буржуа, а дворяне-помещики, будь то собственно помещики или интеллигенты дворянского происхождения. Можно предположить, что эти дворяне утратили связь со своим классом и стали ориентироваться на новый быстрорастущий класс буржуазии. Однако факты опровергают подобную гипотезу.

Н. М. Пирумова приводит интересные данные[2] о составе земских гласных вообще, земцев-либералов в особенности. В 33 земских губерниях из общего числа 1111 губернских и уездных земских гласных в оппозиционном земском движении 90-х — начала 900-х годов в той или иной форме участвовал 241 человек. Сведения о владении землей удалось установить для 152 гласных; из них следует, что подавляющее число земцев-либералов являлось крупными и крупнейшими помещиками[3]. Столь же выразительны и другие данные. Из указанных 241 человека 207, или 86%, были потомственные дворяне.

Из 105 человек, о которых имеются служебные сведения, 26 имели чины III—IV, 30 - V—VIII и 49 человек — IX—XIV классов. Таким образом, больше половины достигли высших и средних чинов. Именно из этой среды вышли так называемые земцы-конституционалисты, которые вместе с интеллигентами вроде П. Б. Струве и П. Н. Милюкова основали в 1903 г. «Союз освобождения», явившийся предшественником кадетской партии.

В свете этих данных попытка объяснить либеральные взгляды 241 гласного совершившимся или совершавшимся переходом их хозяйства на капиталистические рельсы отпадает хотя бы потому, что другая, большая часть гласных, в массе своей стоявшая на правых, антилиберальных позициях, обладала тем же социально-экономическим обликом (процент крупных и крупнейших помещиков среди либеральных земцев был даже несколько выше, чем у гласных в целом — 77 против 64).

Более того, и в революционном движении, а не только в либеральном, дворянство вначале доминировало в сравнении со всеми другими классами и социальными слоями. В. И. Ленин, в своей периодизации освободительной борьбы в России первый период, или этап, ее называет дворянским. Правда, дворянская гегемония в революционном движении была менее продолжительной, чем в либеральном, но главное состоит в том, что начали это движение и возглавляли его дворяне, а не буржуа, разночинцы и т. д. Последние пришли на смену дворянским революционерам, но отнюдь не вытеснили их целиком. Удельный вес дворянства и в народнический период был еще велик. «В период дворянский, крепостной (1827—1846),—писал Ленин,— дворяне, составлявшие ничтожное меньшинство населения, дают громадное большинство (76%) «политических». И хотя в разночинский период они уже «отходят на второй план, но все же дают еще громадный процент (30,6%)»[4].

А что же делал в эти два периода класс капиталистов, который по самой своей сути был больше всего заинтересован в буржуазном обновлении России? Он в массе своей стоял не только на антиреволюционных, но и на антилиберальных позициях, выступал как консервативная, верноподданническая сила. По поводу речи купца А. С. Салазкина летом 1913 г. в Нижнем Новгороде, заявившего от имени русской буржуазии о «неотложной необходимости» политических реформ, Ленин писал: «Как быстро поменялись ролями объединенное дворянство и всероссийское купечество! До 1905 года в течение лет сорока с лишком дворянство либеральничало и почтительно напоминало о

конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным». Ту же мысль и по тому же поводу Ленин выразил и в следующих словах: «Отошла в область прошлого та историческая эпоха, эпоха «первоначального накопления», когда дворянин-помещик ворчал и ходатайствовал о «доверии», а купец "кланялся и благодарил»[5]. Смена ролей у помещиков и купцов произошла только после 1905 г., т. е. всего за 10—12 лет до Февральской и Октябрьской революций.

Чем же объяснить эту ведущую роль дворянства? Приведем известное высказывание Ленина: «Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс — дворянство — обнаружил с полной определенностью (после падения крепостного права, — А. А.) стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений»[6]. Почему помещичий класс стал стремиться к ограничению самодержавия? Потому ли, что царизм перестал выражать его классовые интересы? Начал наносить ущерб помещичьему хозяйству? Оттеснять дворян и выдвигать вместо них на политическую арену другие социальные группы? Совершенно очевидно, что дело обстоит не так. Следует ли отсюда, что этот наиболее образованный и привыкший к власти класс в данном случае не интересовали собственные классовые интересы? Разумеется, нет. Наоборот, он исходил из них, но в форме общегосударственного интереса, который господствующий класс должен всегда учитывать, если хочет остаться господствующим.

Интерес к общегосударственной политике дворянство — вернее, его часть, притом меньшая — проявляло потому, что оно, помимо всего прочего, было также и интеллигенцией. П. И. Пестель и К. Ф. Рылеев потому хотели свергнуть царскую власть, что они исходили из определенной политической доктрины и были интеллигенты, а не потому, что их хозяйство стало переходить на капиталистические рельсы. По той же причине А. Н. Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву», а М. М. Сперанский принялся за Свод законов Российской империи. Это универсальный факт. Разночинцы тоже добивались изменения политического устройства страны потому, что были интеллигенты. Это же относится и к интеллигентам — социал-демократам, основателям партии российского пролетариата.

Интеллигенция господствующего класса не только участвует в формировании общественного сознания, но и вырабатывает внутри- и внешнеполитическую программу государства, т. е. претендует по меньшей мере на идейно-политическое руководство нацией. Фактор этот не субъективный, а объективный: такова социальная функция интеллигенции в классовом обществе, где другие социальные группы столь же объективно связаны с другими функциями. Таким образом, интеллигенция является конкурентом правящей бюрократии, противопоставляет себя ей как лучший знаток того, что требуется стране в данный исторический момент, какие пути ведут к решению стоящих перед народом задач.

На чем же основана эта претензия? Ответ таков — на теоретическом знании, тогда как правящая бюрократия (частью дворянская, частью одворяненная) претендует на власть, ссылаясь на свой вековой опыт руководства государством (представляет привыкший к политической власти класс). Но такое разграничение правомерно лишь в теории. В реальной жизни дело обстоит иначе: с одной стороны, в составе высшей бюрократии имеется немало образованных людей, и с усложнением общественной жизни потребность правящей элиты в образовании усиливается, а с другой — образованная интеллигенция непрерывно и охотно пополняет ряды бюрократии. Не случайно Ленин в приведенных выше словах о дворянстве ставит слова «привыкший» и «образованный» рядом, в единой связи. Кроме того, следует иметь в виду, что в России интеллигенция в современном понимании этого слова — явление сравнительно позднее: она появляется при абсолютизме, а дворянство еще до Петра I имело более чем двухвековой опыт политической власти.

И тем не менее противопоставление бюрократия — интеллигенция представляется правомерным. Главное отличие интеллигенции состоит в том, что, несмотря на все усиливающееся взаимопроникновение, она по отношению к бюрократии занимает четко выраженную критическую позицию, сама подчеркнуто противопоставляет себя чиновничеству. Даже та часть интеллигенции, которая разделяет и частью формирует данный правительственный курс, тем не менее обособляет себя от правящей бюрократии, оставляя за собой право критики этого курса с точки зрения последовательности и всесторонности его проведения.

В России XIX — начала XX в. противостояние интеллигенции и бюрократии было особенно острым. Объяснялось это прежде всего полуазиатской природой царизма. «Чисто капиталистические противоречия,— писал Ленин в конце 1905 г.,— еще в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями «культуры» и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества». И именно под флагом «европеизма» против «варварства, дикости, взятки и прочих «русских» пережитков крепостного права»[7] выступала тогда оппозиционная интеллигенция.

О чем же шел спор между бюрократией и помещичьими либералами, начавшийся как только последние появились на свет и закончившийся вместе с гибелью обеих спорящих сторон? У них могла быть только одна тема: буржуазное развитие страны. Более того, царизм вел дискуссию на ту же тему со всей интеллигенцией, включая разночинную и социал-демократическую. Только методы «спора» с обеих сторон были разными. При этом правящие верхи не были против буржуазного развития страны, напротив, они были целиком за это развитие. Разница, говоря несколько упрощенно, состояла в том, что бюрократия считала возможным совместить капитализм с самодержавием, а помещичьи либералы полагали, что это невозможно — страна должна идти по конституционному пути (мера и сроки этих шагов к конституции о которых либералы спорили в своей среде, в данном случае значения не имеют). Радикальная ж революционная интеллигенция, разумеется, шла дальше, требуя республики, но в принципе и здесь вставал вопрос о несовместимости самодержавия с прогрессивным буржуазным развитием страны.

Претензия правящей бюрократии на монопольное руководство страной была и при капитализме основана не только на эгоизме, стремлении сохранить свои привилегии и власть, хотя, безусловно, эти соображения играли огромную роль, и чем дальше, тем больше. В силу ряда исторических причин, сводившихся к крайне суровым условиям государственного выживания, абсолютизм в России очень долго, может быть, до конца XVIII в., играл прогрессивную роль; власть, бюрократия в определенном смысле шли впереди общества. Достаточно вспомнить реформы Петра I, Уложенную комиссию Екатерины II и т. д. Да и реформа 1861 г., хотя она и сильно запоздала и не отвечала в полной мере потребностям страны, была все же предпринята в основном по инициативе правящей бюрократии, а не «общества»: помещичий класс в целом, как известно, здесь оказался далеко не на высоте. В связи с этим, ссылаясь на историю, бюрократия утверждала, что она и теперь, после реформы, сохранила свою способность идти в авангарде, проводя изменения, диктуемые временем, хотя для этого уже не было никаких оснований — строй изжил себя. Политическая концепция С. Ю. Витте целиком была построена на этом тезисе. Согласно его схеме, монарх должен опираться на «просвещенную бюрократию», и тогда не нужны политические партии, которые никогда не смогут подняться до нее, потому что в своей деятельности руководствуются, в отличие от «государственной» касты, исключительно узкопартийными интересами, уступают бюрократии и по части искусства управления государством. В свою очередь, базой «просвещенной бюрократии» ему представлялся высокоразвитый капитализм в промышленности и сельском хозяйстве, развитию которого она будет энергично способствовать всей своей деятельностью[8].

Подобная точка зрения — отнюдь не утопия, как это кажется с первого взгляда. Достаточно сослаться на пример кайзеровской Германии. По этому поводу Ленин писал: «Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии

уживаться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение»[9]. Характерно, что тезис о ведущей роли бюрократии в той или иной степени поддерживала, даже после революции 1905 г., часть помещичье-буржуазной оппозиции. Лидер октябристов А. И. Гучков в докладе на конференции этой партии в ноябре 1913 г., носившем: в целом резко критический в отношении правительства характер, в то же время настойчиво твердил о прогрессивной роли бюрократии и дворянства. Русское дворянство, утверждал он, «в своем преобладающем большинстве есть несомненно элемент прогресса. Значительно преувеличена также легенда об оторванности русской бюрократии, ее отчужденности от общественных настроений и народных нужд». Среди бюрократии «немало даровитых людей, которые с радостью несли свой громадный государственный опыт на служение... великим задачам»[10]. И это говорилось в период интенсивной деятельности Совета объединенного дворянства, за два года до начала «министерской чехарды».

Таким образом, даже лидер октябристов, являвшийся непосредственным представителем буржуазии, был намного умереннее П. Н. Милюкова — лидера помещичье-интеллигентского кадетского либерализма. Это относится и к московским прогрессистам, во главе которых стояла популяция так называемой молодой буржуазии в лице П. П. Рябушинского, А. И. Коновалова и др. Они были левее октябристов, но правее кадетов.

В чем же причина такого феномена? Общий ответ находим в цитированных выше словах Ленина, что купец «кланялся и благодарил» в эпоху «первоначального накопления», которая теперь — во время и после революции 1905—1907 гг., — «отошла в область прошлого». Вся суть именно в этом «первоначальном накоплении», т. е. в таком периоде, когда купец, промышленник, железнодорожный делец, биржевой спекулянт, вчерашний разбогатевший крестьянин, прасол, скотопромышленник и т. д. были поглощены исключительно наживой, накоплением богатства. Если еще при этом учесть тогдашний уровень производительных сил, характер рынка, степень образованности и культуры этого утверждавшегося нового класса, станет ясным, почему на данной стадии этот класс не только не интересовался «политикой», но и не нуждался в ней. Максимумом того, что ему требовалось тогда сверх барыша, были не политические реформы, а административно-законодательные меры, способствовавшие развитию капитализма.

Именно такую экономическую политику и вел царизм в эпоху «первоначального накопления», всячески способствуя развитию капитализма сверху. Стоит лишь вспомнить такие элементы этой политики, как поощрение железнодорожного строительства, покровительственные таможенные пошлины, казенные заказы, денежная реформа и другие широко известные факты подобного рода, чтобы уловить, что совпадение интересов буржуазии и царизма (которому здоровые финансы и сильная промышленность нужны были для упрочения собственных внутренних и международных позиций) в период, длившийся примерно 40 лет, оказалось если не абсолютным, то более чем достаточным для того, чтобы они были довольны друг другом. Помещик жаловался на то, что бюрократия ведет экономическую политику, исходя только из интересов буржуа и в ущерб, а то и за счет «первенствующего сословия». Но в этом упреке доля истины все же была.

Ситуация имела и другой аспект: у буржуазии в этот период еще не было своей интеллигенции, она еще не сложилась. Сынки новоявленных тузов еще не посылались в Оксфорд и Кембридж, не заполняли скамьи отечественных университетов и институтов. Кит Китьчи еще не осознали, что образование — тоже капитал, а не помеха накопительству, как думали многие старозаветные купцы и промышленники. Появление интеллигенции из собственно буржуазных слоев — явление сравнительно позднее. Основная масса студентов так и осталась до конца существования царизма преимущественно разночинской.

1905 год, как отмечалось выше, поменял ролями помещиков и буржуазию. Факт этот имел необратимый характер. Но не менее важным является вопрос: как российские буржуа стали исполнять свою новую роль, какой оказалась оппозиция буржуазии царизму и в ходе революции и в послереволюционные годы, каково было качество собственно буржуазного либерализма в программном и организационном отношении? Без ответа на этот вопрос нельзя понять закономерности свержения не только царизма, но и буржуазии с промежутком менее года, то есть закономерность Октябрьской революции. Нет сомнения в том, что собственно буржуазный либерализм не только не превзошел либерализм помещичье-интеллигентский, но уступал ему по всем позициям.

Это показал Ленин в статье «Анкета об организациях крупного капитала». Цитируя слова меньшевика А. Ерманского (Гушки): «Трудно назвать более или менее существенную область социально-политической жизни страны, которая не охватывалась бы сферой деятельности представительных организаций капитала», Ленин воскликнул: «Это невероятно, но это факт: г. Гушка со всей серьезностью преподносит такую вопиющую неправду и на десятки ладов повторяет ее!.. Г-н Гушка смотрит на «социально-политическую жизнь» из узкого окошечка купцовских позиций... Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются только купцов. До общеполитических вопросов капиталисты не поднимаются. «Допущение представителей промышленности и торговли» в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел «смелости» их ходатайств»[11].

Далее Ленин цитирует отрывок из книги Гушки, который следует воспроизвести. «Не бесправным, приниженным классом торгово-промышленная буржуазия занимает место за столом российской государственности,— писал Гушка,— а желанным гостем и сотрудником, «достойным помощником» государственной власти выступает она, занимая видное место и по установившемуся обычаю, и по закону, по писаному праву, притом не со вчерашнего дня». Комментируя этот отрывок, Ленин писал: «Это вполне годится в официальную речь какого-нибудь Крестовникова, Авдакова, Тизенгаузена и т. п. братии на угощении министра». Но «спрашивается только, как назвать «ученого»,... который переносит в литературу застольные речи холопствующих купцов в качестве «вывода из анкеты?»»[12].

Главный вывод Гушки гласил: «От доброго старого времени нами унаследован приобретший прочность предрассудка взгляд, по которому в капиталистической России наблюдается то противоречие, что крупная буржуазия, господствуя экономически, продолжает оставаться политически порабощенной. Весь материал нашей анкеты пробивает чувствительную брешь в этой традиционной концепции». Эта «традиционная концепция» принадлежала большевикам и именно с нею Гушка так энергично воевал. «Анкета,..— отвечал ему Ленин,— подтверждает, напротив, ее буржуазии. — А.А. политическое порабощение. Анкета показывает, что буржуазия экономически движется вперед, — что отдельные, частные права буржуазии расширяются,— что растет организация ее в класс,— что увеличивается ее роль в политической жизни. Но именно потому, что эти изменения происходят, становится еще глубже противоречие между сохранением 99/100 политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии, с другой»[13].

Данная оценка места русской буржуазии в системе политической власти имеет принципиальное значение для понимания существа российского либерализма. Хотя буржуазия во время революции 1905—1907 гг. заявила о себе как политическая сила, а в последующем ее роль в политической жизни возрастала, права расширялись, она все более консолидировалась в класс, все же политическая дееспособность ее намного отставала от экономической мощи. В экономике ее положение усиливалось, а ее политическая власть составляла всего одну сотую.

В чем же причина такого гигантского разрыва? Все те причины, которые определяли аполитизм буржуазии в эпоху «первоначального накопления», продолжали действовать и в начале XX века. Несмотря на возрастающую экономическую мощь, она по-прежнему в громадной степени зависела от царизма экономически и политически. Запоздалое появление на свет делало ее мало конкурентоспособной не только на внешних, но и на внутреннем рынке, она нуждалась в покровительственных пошлинах, в политике «насаждения» промышленности сверху, активно проводимой царским правительством, и т. д. Отсюда вытекало важное следствие: буржуазия очень медленно консолидировалась в класс, предпочитая своим общеклассовым интересам групповые, политике дальнего прицела политику сиюминутной мелкой выгоды. Процесс «организации ее в класс», отмеченный Лениным, так и не завершился вплоть до Февральской революции [14].

Такие прямые идеологи и выразители интересов буржуазии, как князь Е. Н. Трубецкой, М. М. Федоров, П. Б. Струве, и некоторые другие, создавали специальные органы, главной целью которых было политическое воспитание буржуазии, призыв перестать быть заискивающим перед чиновником сословием и превратиться в класс, исполненный достоинства, осознать собственную мощь и отведенную историей роль законного преемника измельчавшему и выродившемуся «благородному сословию». Так, руководимая Федоровым газета «Слово» из номера в номер призывала: «Буржуазия, переходя в оппозицию, может, пожалуй, проиграть только в одном смысле: временно утратить «покровительство», возможность легко добиваться подачек в своих ходатайствах по так называемым классовым (т. е. групповым.— А. А.) и личным интересам; известная часть буржуазии и сейчас не прочь держаться старой политики выпрашивания и выжидания приема и благ в приемных у властей предрержащих всех рангов. Но времена все-таки существенно изменились, и сознание, что на таких подачках уже далеко не уедешь, делает успехи»[15].

Говоря об «успехах» буржуазного самосознания, автор газетной передовой намеренно льстил купцам и промышленникам, надеясь таким способом быстрее подвинуть их к классовой консолидации. Но уловка, конечно, не могла помочь делу. За полной непопулярностью газету пришлось закрыть, что и признал Федоров в прощальном номере. «Самая тяжелая сторона нашей деятельности,— писал он,— и заключалась именно в сознании, что мы не встречаем в общественных (т. е. буржуазных.— А. А.) кругах той широкой поддержки, которая бы позволила изданию стать на свои ноги»[16]. По той же причине прекратил свое существование в 1910 г. аналогичный газете Федорова «Московский еженедельник», возглавлявшийся Трубецким. В 1912 г. в Петербурге на деньги Коновалова, М. И. Терещенко и др. стала выходить газета «Русская молва», которую Ленин характеризовал как преемницу «Слова»[17]. Но и ее ждала та же участь: газета имела не более 400 подписчиков и, просуществовав менее года, была закрыта.

Политической консолидации буржуазия по-прежнему предпочитала консолидацию «классовую», по выражению «Слова», т. е. объединение по групповым экономическим интересам во всевозможных биржевых комитетах, отраслевых союзах и других представительных организациях капитала, а общегосударственной политике — политику, непосредственно связанную с ее финансовыми и торгово-промышленными интересами. Буржуазии в гораздо большей степени волновали вопросы о порто-франко Владивостока и о металлургическом тресте, чем о расширении бюджетных прав Думы, чего добивалось думское октябристско-кадетское большинство, и об ответственном министерстве — главном программном требовании кадетов.

Предубеждение против «чистой» политики привело к тому, что буржуазия в массе не считала своими партии октябристов и кадетов, сложившиеся в ходе революции 1905-1907 годов. К кадетам она относилась отрицательно, считая их партией беспочвенных, доктринерствующих интеллигентов, оторванных от реальной жизни, бесплодно и опасно заигрывающих с демократическими массами. Изучение протоколов кадетского ЦК и других материалов за последнее десятилетие существования царизма дает основание утверждать, что за кадетской партией не стояла ни одна группировка буржуазии как

таковой, что по своему составу это была на 90% партия интеллигентов, весьма малочисленная, варившаяся в собственном соку.

Возникла, таким образом, парадоксальная ситуация: партию, наиболее полно, четко и последовательно выражавшую общеклассовые интересы буржуазии, последняя не считала своей. Несколько лучше она относилась к октябристам, но в целом также не считала их выразителями этих интересов. В частности, Совет съездов представителей промышленности и торговли — главная представительная организация крупной буржуазии — осудил деятельность кадетов и октябристов в III Думе. В 1912 г. он выпустил специальную книгу, в которой подверг резкой критике их деятельность в сфере социально-экономического законодательства, их полное непонимание интересов «народного хозяйства» (т. е. интересов буржуазии). Вывод, который делался из этой оценки, был весьма показателен: в IV Думу, для подлинной защиты своих интересов, буржуазия должна послать собственных представителей, а не полагаться впредь на фракции второго думского большинства. Результат деятельности III Думы, констатировалось во введении к этой книге, таков, что «требует самого серьезного внимания и самого живого участия со стороны торгово-промышленного класса в выборах в четвертую Думу»[18], причем это «живое участие» должно носить подчеркнуто аполитичный характер. «Печать всевозможных политических оттенков, — заявлял орган Совета съездов, — стремится подвести наш призыв к торгово-промышленному классу об участии в выборах (в IV Думу.— А. А.) под определенные политические лозунги. Совет наших съездов призывает промышленность и торговлю объединиться на экономических вопросах, не касаясь политических»[19].

Непримирение буржуазией «беспочвенных» партий выразилось и в ее стремлении создать свою собственную буржуазную партию, партию «настоящей» буржуазии, по выражению Ленина [20]. В частности, в 1906 г. наряду с другими буржуазными партиями была учреждена Торгово-промышленная партия, название которой говорит само за себя. Все эти попытки, сделанные в ходе первой российской революции, оказались неудачными. Единственной уцелевшей партией, создание которой непосредственно связано с прямым представителем буржуазии (московской) — А. И. Гучковым, ставшим ее признанным вождем, была партия октябристов. Но и она, с одной стороны, очень быстро превратилась на три четверти в помещичью партию, в которой либерально-буржуазное меньшинство было полностью подавлено правым большинством, отчего ее престиж в глазах буржуазии, в том числе и московской, резко упал; с другой — оказалась очень слабой в организационном отношении. В 1913 г. фракция октябристов в Думе раскололась на три части, а в годы первой мировой войны партия как таковая фактически перестала существовать. Последняя попытка создать «свою» партию была предпринята в 1912 г. и в годы войны группой московских промышленников-прогрессистов (Рябушинский, Коновалов и др.), но и она не увенчалась успехом. Отметим, что и эта попытка представляла собой реакцию не только на политический сервилизм октябристов, но и на «беспочвенность» интеллигентов-кадетов.

И негативное отношение к «интеллигентским» партиям и стремление обзавестись партией непременно «своей», «настоящей» — две части единого целого, смысл которого состоял в политической незрелости буржуазии, ее узости и неопытности. Особенно наглядно эти черты обнаруживаются в ее настороженности по отношению к кадетам как к партии интеллигентов.

Для того чтобы понять этот факт, надо снова вспомнить о роли интеллигенции в буржуазном обществе. Указывая (в связи с вопросом об отношении к булыгинской Думе) на то, что буржуазная интеллигенция колеблется в силу своей классовой природы между реакцией и революцией, Ленин писал: «Но было бы ошибкой забывать, что эта интеллигенция более способна выражать широко понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна, поэтому, при всей ее неустойчивости, к

революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостает»[21]. Из этой ленинской оценки роли интеллигенции в общественном процессе следует, что буржуазная интеллигенция лучше и глубже выражает интересы буржуазии, чем сама буржуазия, причем не временно, а постоянно. Буржуазия всегда уже, консервативнее, инертнее, чем ее интеллигенция, всегда отстает от нее.

Объяснение этому феномену заключается в различии общественного положения и функций этих двух сил: буржуазия — класс, интеллигенция же таковым не является. Отсюда и их разные функции. Буржуа, грубо говоря, в первую очередь делает деньги, его профессия и цель — извлечение прибыли. Функция интеллигента — осмысливать общественную жизнь в общенациональных масштабах, с тем, чтобы выявлять стоящие перед страной задачи и предлагать способы их решения. Поскольку он буржуазный интеллигент (не по происхождению, а по образу мышления), его рецепты будут направлены на совершенствование буржуазного общества, т. к. служат общеклассовым интересам буржуазии.

Дело не меняется от того, что сама интеллигенция, как правило, убеждена, что ее концепции служат интересам общества в целом, что ей чужд и антипатичен узкоклассовый подход. Интеллигенцию подкрепляет в этом убеждении и то обстоятельство, что она, предлагая и пытаясь провести тот или иной социально-политический курс, не ищет для себя, по крайней мере, на данном отрезке времени, прямой экономической выгоды, действует идейно. Буржуазия поступает наоборот. Даже накануне Октября, когда стоял вопрос о самом ее существовании, она самым яростным образом восставала против 8-часового рабочего дня, который рабочий класс уже ввел в жизнь явочным порядком. Примитивный эгоизм «старорусского» способа наживы лишал её политического разума даже в критические дни. Что же говорить о ее отношении к программе кадетской партии, где в числе прочего был и пункт о 8-часовом рабочем дне (правда, в сильно укороченном, даже искаленном виде)?

Таким образом, двучленное единство «буржуазия — буржуазная интеллигенция» нельзя рассматривать как тождество. В этом единстве, согласно законам диалектики, таилось противоречие, выразившееся в двух подходах к политике: сиюминутный личный и групповой интерес, с одной стороны, долгосрочный и общеклассовый — с другой. Отсюда следует, что политическая зрелость буржуазии прямо пропорциональна тому пути, который она проделала навстречу своей интеллигенции. Способность пойти на союз с нею и означает способность буржуазии создать свою настоящую (или настоящие), без кавычек, партию.

Партия — это организационное воплощение политической доктрины, следовательно, способность создавать политические партии — это преимущественная способность (и функция) интеллигенции. Политика, равно как и бизнес — профессия, требующая определенных навыков, склонности, уровня образования и пр. Вот почему и по сей день в западных буржуазных партиях и парламентах интеллигенция играет такую важную роль. Этот фант свидетельствует не о слабости, а наоборот, о силе буржуазии и к тому же помогает ей маскировать свое господство перед лицом широких масс, создавая иллюзию общедемократического, внеклассового руководства государством и нацией.

Способность интеллигенции быть впереди своего класса универсальна. Она относится не только к буржуазной и мелкобуржуазной (в том числе крестьянской) интеллигенции. Именно пролетарская интеллигенция дала российскому пролетариату то, чего ему не доставало: руководство и организацию. Знаменитый ленинский призыв к соединению социализма с рабочим движением означал, в плане программно-партийном, соединение революционной социал-демократической интеллигенции с сознательной частью рабочего класса России.

Непреодоленное, несмотря на все усилия, недоверие буржуазии к партии, в которой были сосредоточены ее лучшие теоретические и политические силы,— кадетам, поставило эту партию в трудное и двусмысленное положение, отразившееся на ее политическом поведении и конечных результатах деятельности. Уже само название «Партия народной свободы», которым она на своем втором съезде решила впредь себя именовать (взамен первоначального «конституционно-демократическая»), говорило о двойственности занятой ею позиции. Новое название удачно выражало, по мнению вождей партии, две ее ипостаси: надклассовость и демократизм. С одной стороны, народ — это все классы российского общества, включая не только буржуазию, но и дворянство, с другой — народ это главным образом трудящиеся, крестьянство прежде всего. На практике такой дуализм породил политику, смысл которой сводился к тому, чтобы примирить непримиримое: крестьян с помещиками, рабочих с капиталистами, царизм с конституцией и буржуазными свободами. Что касается рабочего класса, то здесь тоже руководящей идеей кадетов была идея примирения революционной социал-демократии с оппортунизмом, большевиков с ликвидаторами путём подчинения первых вторым.

Западноевропейский либерализм рос и развивался в откровенной и резкой вражде к рабочему и социалистическому движению. Русский либерализм в силу того, что рабочий класс опережал его в своем политическом развитии, в частности раньше него создал свою партию, вынужден был подделаться под доброжелателя, сторонника «действительных», т. е. тред-юнионистских интересов рабочего класса — в противовес «утопическим» (социалистическим) интересам, которыми его увлекают по своей молодости и политической неопытности российские революционные социал-демократы, но со временем и они, конечно, «поумнеют» и станут такой же политически зрелой силой, как немецкая социал-демократия. Чтобы добиться победы ликвидаторства кадеты активно «примиряли», якобы во имя «единства», ликвидаторскую и большевистскую части социал-демократической фракции в IV Думе, отдавая себе отчет в том, что такое «единство» будет означать на деле победу и самих кадетов в рабочем движении.

Отметив разницу в отношении старых, европейских, и новых, российских, либералов к социал-демократии, состоявшую в том, что «первые боролись против ее возникновения, отрицали ее право на существование, вторые вынуждены примириться с фактом», Ленин далее писал: «Бессильные помешать возникновению и росту социал-демократии, наши либеральные буржуа всю заботу направили на то, чтобы она росла по-либеральному. Отсюда — многолетние и систематические стремления наших кадетов поддержать оппортунизм (и особенно ликвидаторство) в рядах социал-демократии; в такой поддержке либералы правильно видят единственное средство отстоять либеральное влияние на пролетариат, провести зависимость рабочего класса от либеральной буржуазии»[22].

Влияния на рабочее движение кадетская партия не добилась, а в конечном счете слово «кадет», как известно, стало в рабочей среде бранным словом. Это был уникальный результат, которого не знала и не знает до сих пор ни одна буржуазная партия в странах развитого капитализма. На заседаниях кадетского ЦК всякий раз, когда обсуждался вопрос о необходимости расширения социальной базы партии за счет «низов», неизменно и единодушно констатировалось, что никаких шансов проникнуть в рабочую среду у кадетов нет; рабочий класс — сфера безраздельного влияния социал-демократии. И это несмотря на то, что кадеты, как подчеркивал Ленин, имели знакомство с марксизмом и западноевропейским рабочим движением, некоторые из них «сами были в молодости марксистами или почти марксистами», а потом, с годами, «поумнели», став «либеральными обывателями»[23].

Почти то же самое произошло и с крестьянством. В первых двух Думах потерпели крушение кадетские надежды на то, что трудовики пойдут по пути либерального решения аграрного вопроса на основе пресловутого принудительного отчуждения части помещичьих земель за выкуп по «справедливой» оценке. Трудовики в Думе предложили свой законопроект о безвозмездной конфискации помещичьей земли, что вело к ее национализации. Единственным реальным результатом, который кадеты извлекли из

своего лозунга принудительного отчуждения, было то, что он стал главной причиной ненависти к ним помещичьего дворянства. Классовое чутье подсказало крепостникам-помещикам, что частичное отчуждение, начини оно проводиться в жизнь, немедленно перерастет в полное отчуждение, так как крестьяне не остановятся на полдороге. Программа принудительного отчуждения была крайне враждебно воспринята и буржуазией, включая не только октябристскую, но и прогрессистскую, наиболее близкую к кадетам, поскольку она тоже отдавала себе отчет в заразительности примера, угрожавшего распространением насильственного отчуждения и на буржуазную собственность. Именно этот пункт аграрной программы оказался не только главным, но фактически единственным программным расхождением между кадетами и прогрессистами.

Что касается царского правительства, то для него неприемлемость кадетов, помимо указанных причин, обуславливалась еще личной ненавистью к людям, которые своей критикой и деятельностью претендуют на большую компетентность в делах государственного управления, чем искушенная, имеющая столетний опыт правящая бюрократия. Эта конкурентная по своей сути ненависть вылилась в утверждение, что весь смысл политических притязаний кадетских вождей сводится единственно к тому, чтобы самим усесться в министерские кресла, завладеть министерскими портфелями.

Действительно, для кадетов было очень характерно изображать из себя прежде всего государственную партию, играть в министриабельность, но, разумеется, не со столь примитивной целью, какую ей приписывали правящие «верхи», хотя, скажем, мечта о портфеле министра иностранных дел действительно владела лидером партии Милюковым (и ненадолго и неудачно реализовалась весной 1917 года). Эта государственная претенциозность была обусловлена, помимо самой природы либерализма, еще и помещичье-дворянским генезисом российских либералов, их, так сказать государственным происхождением, поскольку именно дворянство было тем классом, который издавна привык править страной.

Указанная генетическая особенность полностью объясняет одно на первый взгляд загадочное явление: будучи, как отмечалось, на голову выше своего класса, косного, аполитичного и во многом просто реакционного, либералы по двум ключевым вопросам капиталистического развития страны в начале XX в. — столыпинской аграрной политики и процесса монополизации промышленности — оказались позади него. Кадеты отвергали предлагавшиеся по этим двум вопросам решения, ссылаясь на искусственность правительственного насильственного вмешательства в естественный ход вещей, опасность его ускорения, приводящего к деформации, и т. п. В первом случае, говорили они, массовая экспроприация крестьянских земель, к чему на деле вела столыпинская политика в деревне, приведет к такой же быстрой и массовой пролетаризации, которую промышленность будет неспособна нейтрализовать. Во втором — правительственная политика поощрения и ускорения процесса монополизации, не поставленная в известные пределы, нанесет вред массовому потребителю, крестьянину прежде всего. Показательно, что точно с таких же позиций выступали против монополий в Думе (запрос о металлургическом тресте) Н. Е. Марков и другие лидеры правых, выражавшие интересы крепостника-помещика.

Таким образом, претензия на государственную респектабельность на деле оборачивалась реакционной маниловщиной, обусловленной непониманием законов капиталистического развития, равно как и одного из необходимых его условий — мощной поддержки со стороны абсолютистского государства, которое таким путем стремилось усилить собственную финансовую и военную мощь. Именно эта государственная маниловщина — забота якобы об общегосударственном благе и давала повод Совету съездов представителей промышленности и торговли обвинять кадетов в оторванности от жизни, беспочвенности, нелепом теоретизировании и т. п.

Общий итог истории кадетского либерализма в России был весьма скромным: он уподобился диккенсовскому мистеру Пиквику, стремившемуся разнять борющихся и получавшему удары с обеих сторон — получал удары и от революции и от реакции. Конкретно это выразилось в политической бессилии, абсолютной бесплодности кадетской политики и тактики. Эта бесплодность вызвала глубокое неверие и пессимизм даже в рядах самих либералов, прямым следствием чего было их повальное бегство из партии. Численность ее сократилась до 700 с небольшим человек, почти все местные организации развалились, и кадетский ЦК в силу этого не мог провести на протяжении восьми лет (с 1907 по 1916 г.) съезда партии, который по уставу должен был созываться ежегодно.

Несмотря на все сказанное, кадетская партия оставалась главной партией русской контрреволюционной либерально-монархической буржуазии и обладала весьма серьезными политическими потенциями. Доказательством служат годы первой мировой войны, Февральская революция и предоктябрьские месяцы. Именно тогда партия кадетов стала признанной и по сути дела единственной руководящей силой всего помещичье-буржуазного лагеря, тогда как октябристы и прогрессисты практически сошли на нет. После того как к власти пришла буржуазия, резко стала расти и численность кадетской партии. Объяснить это можно тем, что кадеты выражали наиболее общие и долгосрочные интересы буржуазии. Как она ни пыталась пробавляться сегодняшним днем, рано или поздно перед ней должны были встать, отодвинув на задний план сиюминутные выгоды, общеклассовые интересы, в условиях России неразрывно связанные с вопросом о самом ее существовании. В годы войны этот момент настал, и партия «беспочвенной интеллигенции» стала на деле властителем дум всех кланов торгово-промышленного класса вместе со всеми его сословно-корпоративными организациями во главе с Советом съездов представителей промышленности и торговли.

Проблема политических партий, в том числе и либеральных,— это проблема народа, вернее, отношения к нему. Для русского либерализма главной определяющей чертой политического поведения был страх перед народом, выразившийся в глубокой органической контрреволюционности. Ленин запечатлел эту позицию в известной формуле, гласившей, что буржуазия боится революции больше, чем реакции. Важно подчеркнуть, что употреблял он ее всегда в контексте, где речь шла о кадетах. Действительно, они, являясь главной партией русской либерально-монархической буржуазии и наиболее полно и точно выражая ее интересы, боялись революции больше, чем реакции.

Избегая вульгаризации, скажем, что для объяснения контрреволюционности тривиального массового купца или промышленника глубокомыслия не требуется: он боялся, и не без основания, что развитие революции в России лишит его собственности, а потеря богатства была для него равносильна потере смысла существования. Кадет-интеллигент, как отмечалось, служил не капиталисту, а буржуазному обществу и не за куш, а «идейно». Опасаться за судьбу своих богатств ему, как правило, не приходилось. Его страх перед революцией был обусловлен доктриной, облакаемой, конечно, в одежды «общегосударственных», «общенародных» интересов в либерально-буржуазном их понимании.

Кадеты считали, что революция отразится на интересах страны самым отрицательным образом и чем будет глубже, народнее, тем результат ее будет пагубнее. Опыт Запада, утверждали они, показывает, что, даже одержав победу, революции редко оправдывают себя: очень высоки издержки разрушения государственных устоев, гражданских войн, развязанных страстей и эксцессов, резкого понижения культурного уровня, большого урона в рядах интеллектуальной элиты нации и т. д. А главное революция, даже если она победила, непременно сменяется реакцией, попятным движением (Кромвель, термидор, Наполеон I, Наполеон III и т. д.). Есть прекрасная альтернатива революции — реформы: издержки минимальные, а конечный результат не меньший.

Кадеты развивали тезис, что в условиях России, с ее темным придавленным народом, накопившим за века угнетения слепую, якобы безотчетную ненависть, с ее многонациональным составом, наличием окраин, характеризующихся центробежными тенденциями, при слабости и малочисленности интеллигенции, которую народ не отличает от барина и чиновника, революция может дать только один результат — разрушение тысячелетней государственности, создание и укрепление которой стоило стольких тяжких жертв тому же народу. Революция в России — это «пугачевщина», бессмысленный жестокий разрушительный бунт.

Справедливости ради необходимо сказать, что такая позиция стала окончательной и бесповоротной лишь в ходе первой российской революции. Накануне ее и в первые месяцы либералы выражали сочувствие революционному движению (правда, непоследовательно, оставаясь все же принципиальными противниками революции как таковой) и даже помогали ему. Черту, которая навсегда разделила либералов и революционеров, поставив их по разные стороны баррикад, провело Декабрьское вооруженное восстание. Именно оно дало мощный импульс росту веховских настроений в кадетской партии, породило знаменитую формулу А. С. Изгоева («перестать косить глаза налево»), исторгло вопль из груди либеральной публицистики: «Хватит ломать шапку перед его величеством пролетариатом». С этого момента революция неизменно изображается либералами как бесконечная цепь жестоких и ненужных эксцессов, как та самая пугачевщина, которая разрушит все и вся. Милюков позже писал, что 1905 год раз и навсегда отбил у него охоту иметь дело с революцией и рассчитывать на неё [24].

Чтобы покончить с этим сюжетом, следует отметить, что меньшевики и эсеры, принимавшие активное участие в революционной борьбе в 1905— 1907 гг., участвовавшие, а порой и возглавлявшие вооруженные восстания и партизанские выступления, к 1917 г. стали испытывать перед революцией такой же страх, как либералы [25]. Это было закономерным результатом политической эволюции, сделавшей их в годы первой мировой войны социал-шовинистами, а меньшевистскую и трудовую фракции в IV Думе, возглавляемые Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенским,— левым флангом думского «Прогрессивного блока», объединившего всю помещичье-буржуазную оппозицию царскому правительству, начиная от В. В. Шульгина и кончая Милюковым.

Лишь большевики продолжали верить в народ и на этой вере строили свою политическую стратегию и тактику. Большевики полностью отдавали себе отчет в том, какие опасности всегда подстерегают революции, имея в виду и термидор, и эксцессы, и все остальное, чем пугали либералы. Столь же ясно было им и то, что в основе страха либералов перед революцией лежат классовые интересы, а отнюдь не научно обоснованные выводы. Наука доказывала, что революция — это прежде всего созидательное начало, и народ выступает в ней в качестве главной созидательной силы.

Опыт трех российских революций показал, что там, где рабочие становились хозяевами положения, немедленно и весьма эффективно наводился порядок, направленный на сохранение фабрик, заводов, материальных ценностей и т. д., велась борьба с преступностью, хулиганством и другими проявлениями люмпен-пролетарского отношения к революционным событиям. Подлинным источником беспорядка, хаоса, насилия, разрушения производительных сил и т. д. является в действительности контрреволюция. Чем длительнее и упорнее ее сопротивление, тем глубже и тяжелее раны, наносимые стране, тем дольше приходится потом победившей революции их залечивать. Главным оружием и целью всякой контрреволюции и правого экстремизма вообще является как раз дестабилизация обстановки с помощью худших элементов общества. Расчет здесь строится на том, что народные массы, теряя ориентировку в условиях общей неустойчивости, нуждаясь в защите от темных сил, могут пойти за правыми лозунгами порядка, стать слепым орудием правых кругов, обещающих быстрое и прочное восстановление утраченной стабильности.

В борьбе двух взаимоисключающих путей установления «порядка» либералы неизменно предлагают третий, срединный путь как антитезу «крайностям». Партия либералов — это по сути всегда и везде партия компромисса. Полный политический провал либерализма в России, отвержение его народом в личном плане представляло собой трагедию многих честных, просвещенных, обуреваемых самыми лучшими чувствами патриотизма и служения своему народу людей, считавших, что только либеральный путь наилучшим образом отвечает этому служению. От того, что их патриотизм был ложным, отвечавшим интересам не народа, а только господствующих классов, он не становился менее искренним. Но «искреннее ли это непонимание или лицемерное, это — вопрос, который может интересовать биографа той или иной личности,— писал Ленин²⁶. В политике же этот вопрос не главный, второстепенный.

Решающим в оценке того или иного политического течения и представлявших его людей является фактор прогресса. Способствует ли тот или иной класс и представляющая его часть интеллигенции своей политикой и борьбой решению исторических задач и в какой мере — вот тот главный критерий, который определяет итоговую оценку. «За русской демократией,— писал Ленин, ставя именно этот вопрос,— есть серьезные победы, за русским либерализмом — ни одной... Либерализм не умел бороться, и за ним нет в русской истории ничего, кроме постоянного презрительного третирования либералов крепостниками, как холопов барами» [27]. Это было написано в 1912 году. Последнее пятилетие существования царской России и особенно годы первой мировой войны еще более подтвердили эту суровую, но справедливую характеристику. Русские либералы оказались чуждыми своему народу, и в этом причина их исторического банкротства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М. 1977, с. 3.
2. Там же, с. 75, 86, 89.
3. Цифры таковы: владельцев до 200 дес. земли было 5, от 200 до 500 — 24, от 500 до 1 тыс.— 54, от 1 тыс. до 5 тыс.— 49 и свыше 5 тыс.— 20 человек.
4. Ленин В. И. Полн. собр., соч. Т. 25, с. 95.
5. Там же. Т. 23. с. 394, 408; т. 5. с. 26.
6. Там же. Т. 5, с. 26.
7. Там же. Т. 12. с. 134, 135.
8. В записке о самодержавии и земстве Витте писал: «Каждое прогрессивное движение в обществе обращается прогрессом и в бюрократии; застой в нем — реакцией в ней. Не следует забывать, что и крестьянская и судебная реформы проведены были бюрократией, что все выдающиеся деятели великих реформ были чиновниками». Из этого следовал вывод: «Там, где нет ни политических партий, ни революции, где никто не оспаривает прав верховной власти,— там нельзя противопоставлять администрацию народу или обществу; там, напротив, она есть одно из необходимых условий общественно-государственной жизни, служащая вместе с другими к общему благу, постепенному общественному воспитанию народа» (В и т т е С. Ю. Самодержавие и земство. СПб. 1908, с. 204-205).
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 359.
10. Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 по 1 сентября 1914 г. М. 1914, с. 15.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 294-295.
12. Там же, с. 296 — 297. С этой точки зрения немалый интерес представляет описание этих застолий в статье В. Я. Лаверычева «Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г.» (Социально-экономическое развитие России. М. 1986).
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. с. 297.
14. В 1913 г. Ленин писал: «В русском капитализме необъятно сильны еще черты азиатской примитивности, чиновничьего подкупа, проделок финансистов, которые делят свои монопольные доходы с сановниками» (там же. Т. 24. с. 21).
15. Слово, 8(21).II.1909.
16. Там же, 5(18).VII.1909.
17. См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. с. 246.
18. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. СПб. 1912, с. XXII.
19. Промышленность и торговля, 1912, № 14 (110), с. 45. 23 Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 22, с. 245.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22, с. 245.
21. Там же, Т. 11, с. 199.
22. Там же. Т. 24, с. 86-87.
23. Там же, с. 86.

24. «Наш русский опыт,— писал он, имея в виду 1905 год. — был достаточен, чтобы снять с «революции», как таковой, ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику. Я знал, что там — не моё место» (Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк. 1955, с. 208).

25. Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914-1919 гг. Л. 1926, с. 30, 32-33.

26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 322.

27. Там же. Т. 22, с. 49.